

И. А. Кривелев

КЛЕРИКАЛИЗМ И НЕКОТОРЫЕ СЕКУЛЯРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗРАИЛЕ

Уже с момента своего возникновения в конце прошлого века сионистское движение ориентировалось на контакт с иудаизмом и его служителями — раввинами и теологами — талмудистами. Оно всячески старалось использовать те идеологические выгоды, которые можно было извлечь из библейского учения о Палестине как земле, предназначенной Всевышним для евреев, об избранном народе, объединяемом общей верой в ветхозаветного бога. Ему нужно было, в частности и в особенности, эмоциональное воздействие религиозного культа с его постоянными напоминаниями о «земле Израиля» и выраженной в молитвах мечтой об «освобождении из голуса» (рабства, диаспоры) и сосредоточении всех евреев в Сионе. Основатель политического сионизма Теодор Герцль писал в своем основном сочинении: «Для пропаганды наших идей нам не нужно созывать собрания с их неизбежной болтовней, эта пропаганда войдет составной частью в богослужение»¹. Дело, однако, не сводится к эмоциональному воздействию на верующих при помощи богослужения. Сионизм, особенно в той его форме, которую он принял теперь в политике и идеологии государства Израиль, не может не опираться на религию иудаизма в некоторых исходных пунктах своей доктрины.

К моменту организации государства Израиль лидеры сионизма уже прилагали все усилия к тому, чтобы максимальным образом использовать религию и иудейский клерикализм в своей внутренней и внешней политике.

«Декларация независимости», явившаяся первым официальным документом вновь созданного государства, провозгласила, что «в стране Израиля еврейский народ обретает свое существование, в этой стране сложился его духовный, религиозный и национальный характер»². Подразумевается при этом, что «характер еврейского народа» имеет в своей основе библейские традиции, ибо речь идет о характере, сложившемся в «этой стране» — в Палестине. Но помимо того, приведенная формула содержит и прямую ссылку на религиозность «еврейского характера» — значит, сионизм уже никак не отмежевывается от иудаизма, а, наоборот, исходит из факта его определяющего влияния.

Это подтвердил в своей речи от 14 мая 1948 г., посвященной учреждению Израиля, один из первых лидеров государства, Бен Гурион. Упомянув в самых выпяченных выражениях о «вечной Книге Книг», он заявил, что основой нового государства будет «свобода, справедливость и мир, предсказанные пророками Израиля»³.

На Всемирном сионистском конгрессе в 1957 г. тот же Бен Гурион произнес речь, в которой дал развернутое объяснение вопроса о значении библейских пророчеств для идеологии сионизма. Он говорил, что

¹ Т. Герцль, Еврейское государство, СПб., 1906, стр. 66.

² Цит. по: S. C. Leslie, *The rift in Israel*, London, 1971, p. 57.

³ Там же, стр. 35.

мощным фактором, стимулирующим иммиграцию евреев в Палестину, являются переживаемые ими в диаспоре страдания. Но сами по себе эти переживания, по Бен Гуриону, не могли бы вызвать у евреев стремления в Палестину, — эти «разрушительные, унижающие, подавляющие» переживания «вели бы еврейский народ только к угасанию», если бы не духовное воздействие мессианических пророчеств. Именно «мессианические предсказания сделали эти страдания благотворными и ведущими к образованию государства». «Собирание рассеянных, то есть возврат еврейского народа в его страну, есть начало осуществления мессианических пророчеств»⁴. Концепция единства национального и религиозного элементов в сионизме и в Израиле пропагандируется не только в клерикальных изданиях, но и в общей публицистике, и в «светских» академических изданиях. Так, например, профессор международных отношений Иерусалимского университета Н. Бентвич пишет, что «в Израиле идеал нации слит с религией»⁵. Иудаизм, утверждает он, «имеет особый характер», поскольку он включает в себя не только систему религиозных догматов, но и «жизненный курс», руководство к образу жизни, «стандарты поведения, вытекающие из учения пророков»⁶. Из положения о слитности «национального идеала» с иудаизмом исходят, по Н. Бентвичу, и израильские «марксисты», под каковыми он подразумевает, конечно, не коммунистов, а стоящих у власти в Израиле «социалистов» типа Голды Меир и Моше Даяна.

Они, заявляет Бентвич, «признают бога де-факто». Они не могут и не собираются секуляризировать государство, так как понимают, что «полное отделение государства от религии или синагоги вообще немислимо в иудейской стране»⁷. Наоборот, в стране установлен в этом отношении такой режим, который предоставляет клерикалам и духовенству важные командные позиции во всех областях общественной и частной жизни. Программой-максимум в этом отношении могло бы быть установление теократического строя с всевластием раввина, длительно и деспотически следящего за тем, чтобы все население страны неукоснительно соблюдало предписания Галахи (законодательная и этико-нормативная часть Талмуда), а также за строгой ортодоксальностью всего режима и его правительства. Если вспомнить, что речь должна здесь идти о 613 предписаниях, из которых 365 содержат те или иные запреты, то уже сама по себе станет ясной нереальность этой программы в наше время. Но вопрос в целом еще более сложен, чем это может представиться на первый взгляд.

Сионисты хотят создать в Израиле большое и современное буржуазно-империалистическое государство, а не средневековую теократию, основанную на законодательстве Библии и Талмуда. Тот максимум галахических норм и предписаний, выполнения которого требуют клерикалы, никак не может быть принят современным буржуазным государством, ибо его соблюдение сильнейшим образом тормозило бы производственную и экономическую жизнь страны и фактически сделало бы невозможным нормальное функционирование хозяйства. Установление такого режима сразу затормозило бы или даже совсем остановило иммиграцию евреев из стран Запада и в особенности из США, где большинство их входит в реформированные синагоги.

Религиозность населения Израиля не так уж велика, чтобы оказывать прямое давление на правительство. По данным опроса общественного мнения, только 20% населения полностью исполняют религиозные обряды, 30—40% исполняют их частично, а 40—50% совсем не соблюдают. Свыше 40% населения совершенно не посещают синагогу, даже в

⁴ S. C. Leslie, Указ. раб., стр. 35.

⁵ N. Bentwich, Israel: Two fateful years, London, 1970, p. 79.

⁶ Там же, p. 83.

⁷ Там же.

день ном-кипур там бывает лишь около 40% ⁸. На выборах в кнессет клерикальные партии, вместе взятые, получают не больше 17% всех голосов. Тем не менее режим вынужден пользоваться идеологическими и политическими услугами синагоги.

Этническое самосознание современного человека, считающего себя евреем и стремящегося на этом основании переселиться в Израиль, в большом количестве случаев связано не с прямой религиозностью, а с «исторической традицией», основанной на ветхозаветных легендах о древнейшей и древней истории евреев. Совокупность этих традиций дает материал к тому, чтобы объединять сознанием принадлежности к одной и той же общности исторически и этнически разнородные группы людей, именующихся евреями. Но, повторяем, эти традиции связаны с Библией и, следовательно, в некоторой мере с религией иудаизма. Неудивительно, что на вопрос о степени влияния иудаизма на самосознание опрошенных израильтян, 30% опрошенных ответили положительно, 40% признали это влияние частичным и только 30% ответили, что иудаизм не оказал большого или даже какого бы то ни было влияния в этом отношении ⁹. Таким образом, около 70% населения Израиля в той или иной мере связывает свой национальный статус с иудаистскими религиозными взглядами. Не считаться с этим сионистский режим Израиля не может себе позволить.

Исторически дело сложилось так, что господствующим направлением в религиозной жизни Израиля является ортодоксальный иудаизм. Даже в Иерусалиме, где муниципалитет разрешил учреждение реформированной синагоги, осуществление этого решения до сих пор задерживается активным сопротивлением клерикалов-ортодоксов. Поэтому правительство в своих сношениях с синагогой вынуждено считаться именно с двумя ее ортодоксальными группами — ашкеназской и сефардской. Ему надо найти такие нормы государственной и общественной жизни, которые, не устанавливая всевластия раввинов, не допуская установления в стране «галахического» хаоса, обеспечили бы все же поддержку существующего режима клерикалами.

Не будучи в состоянии возвести в степень государственного закона все установления Торы и Талмуда, на чем настаивают ортодоксы, сионисты пытаются найти какие-то пути компромисса с клерикалами по этой линии.

В июне 1947 г., когда лишь выкристаллизовывались возможные юридические основы находившегося тогда еще в стадии становления государства Израиль, руководители основных подразделений сионистской коалиции во главе с Бен Гурионом вели специальные переговоры с руководством партии Агудат Исраэль о тех условиях, на которых последние согласились бы поддержать режим. Обязательным днем отдыха для всей страны признавалась суббота и лишь иноверцам предоставлялись другие возможности. Было обещано строгое соблюдение ритуальных предписаний о кошерной пище во всех государственных кухнях. Несколько уклончиво формулировались положения семейно-брачного права — по этому деликатному вопросу сионисты не хотели себя связывать. В отношении системы образования предлагалась автономия для каждого из направлений, так что ортодоксально-клерикальные слои получали полную возможность воспитания детей в совершенно средневековом духе, но такое направление не признавалось обязательным для всего населения страны. В дальнейшем, однако, клерикалам удалось завоевать в жизни страны значительно более прочные позиции, чем те, которые им были обещаны в период учреждения государства.

Теперь в их руках находятся такие важные функции в государстве, как фиксация актов гражданского состояния, и вся область семейного

⁸ См. S. C. Leslie, Указ. раб., стр. 72—73.

⁹ Там же.

права, во многом — распорядок общественного быта в городах и других населенных пунктах. Под давлением клерикалов действуют строгие ограничения работы общественного транспорта по субботним дням. В 1969 г. в стране происходила ожесточенная борьба по этому вопросу между разными группировками и партиями. Во всяком случае, железные дороги в субботу не работают, авиационное сообщение осуществляется с большими ограничениями, движение внутригородского транспорта зависит от решения муниципалитета: в Хайфе, например, автобусы ходят в субботние дни, в Иерусалиме и в большинстве других городов их движение запрещено. То же относится и к работе кафе и подобных им предприятий: в Тель-Авиве они работают, в других городах закрыты. Сложная система запретов и разрешений касается кошерной и трешевой пищи; разведение свиней и потребление свинины запрещено по всей стране, за исключением района Назарета, где проживает много христиан. Правда, очень часто все запрещения нарушаются из опасения потерять доходы от американских и других иноплеменных туристов-евреев, но принцип все же остается, и сионистским властям приходится постоянно с ним считаться. Более либеральные и свободомыслящие круги населения Израиля вынуждены постоянно испытывать на себе давление ортодоксально-клерикального прессы.

Во всех составах коалиционного правительства Израиля с момента возникновения государства занимают место представители клерикальных партий. И роль их не так уж мала. «Религиозные партии,— пишет по этому поводу декан факультета политических наук Тель-Авивского университета Алан Ариан,— часто способствуют удержанию равновесия в решающих политических дебатах»¹⁰. Тот факт, что государство до сих пор не имеет конституции, в значительной мере объясняется, видимо, влиянием клерикалов. «Не может быть достигнуто,— пишет Ариан,— согласие относительно основы этого документа: религиозные группировки требуют, чтобы конституция базировалась на традиционном религиозном законе, а секулярные группы не желают этого»¹¹. И чтобы не ссориться с раввинами, государство обходится без конституции...

Особенно большое значение во всей жизни государства Израиль имеет та неразрывная связь, которую клерикалы усматривают между религиозной принадлежностью человека и возможностью его натурализации в качестве гражданина Израиля. Считается, что претендовать на автоматическую натурализацию из иммигрантов может лишь еврей. И здесь возникает вопрос, который с самого момента возникновения государства служит предметом ожесточенных споров: кого следует считать евреем?

Этот вопрос имеет непосредственное и очень большое практическое значение, ибо от характера его решения зависит судьба людей, приезжающих в Израиль, а также участь рождающихся у них детей. Он именуется в печати «горящим» вопросом.

Главная цель, которая пронизывает всю внешнюю и внутреннюю политику Израиля, заключается в создании большого буржуазно-империалистического государства «от Нила до Евфрата». Для реализации этой цели нужно иметь достаточно многочисленные кадры и резервы рабочей силы. Необходима, далее, достаточная емкость внутреннего рынка, обеспечиваемая относительной многочисленностью потребляющего и платежеспособного населения. А так как государство «от Нила до Евфрата» может быть создано лишь методами систематической территориальной экспансии при помощи столь же систематической военной агрессии, то нужны соответствующие людские контингенты для вооруженных сил. Все

¹⁰ А. Аrian, *Ideological change in Israel*, Cleveland, 1968, p. 54.

¹¹ Там же, стр. 54—55.

это диктует необходимость максимально интенсивного стимулирования иммиграции. Собрать в Израиле возможно большее количество людей, считающихся или именующих себя евреями, со всех углов и концов земного шара — такую задачу поставили перед собой правящие круги государства Израиль. Бен Гурион недавно определил количество населения, «нужное» Израилю, цифрой в шесть миллионов. Мотивировка такого запроса вначале формулируется им довольно абстрактно: что это, мол, за государство, большинство населения которого живет за его рубежами. Все люди, считающиеся евреями, в какой бы стране мира они ни жили, рассматриваются, следовательно, Бен Гурионом как граждане Израиля; с точки зрения международного и всякого иного права такие претензии не только безосновательны, они просто бессмысленны. Но дальше Бен Гурион раскрывает свои карты: мы, мол, хотим мира, но как бы не пришлось опять воевать¹²... Требуется пушечное мясо.

Вопрос осложняется, однако, неопределенностью и туманностью самого понятия «еврей» и отсутствием точного критерия, при помощи которого конструируется само это понятие.

В 1958 г. министерством внутренних дел была издана директива, в которой указывалось, что каждый человек, объявляющий себя евреем и не принадлежащий к нееврейской религии, регистрируется как еврей. Это было половинчатое решение вопроса, не содержащее такого пункта, предписываемого галахой: родившийся от нееврейки может считаться евреем только в том случае, если он примет религию иудаизма. Клерикальные партии возмущались таким проявлением безбожия со стороны властей. Они вышли из правительственной коалиции и вызвали этим министерский кризис. Кнесет решил тогда обратиться за экспертизой по данному вопросу к ученым юристам и теологам.

Все 45 опрошенных экспертов были известны как верующие, хотя и не принадлежащие к крайне ортодоксальным кругам. Их ответы оказались удовлетворяющими требованиям раввината: подавляющее большинство (37) высказались в пользу формулы, провозглашенной галахой: евреем может считаться человек, рожденный от еврейки, при условии, что он не переходил ни в какую другую религию, а если претендент не удовлетворяет этому требованию он должен принять иудаизм с соблюдением всех правил и церемоний, установленных для этого случая галахой¹³. В соответствии с таким решением экспертов правительство в 1960 г. издало новую директиву. В ней принимались оба пункта, на которых настаивали эксперты. Это была явная победа клерикалов.

Жизнь оказалась, однако, сложнее, чем предполагали ревнители талмудической ортодоксии. В 60-х годах возникли и бурно взволновали общественное мнение Израиля несколько острых казусов, связанных с установлением гражданства. Долго, в частности, шла возня вокруг дел Руфейзена и Шалита, показавших, что не так просто даже сионистскому государству во второй половине XX в. придерживаться норм средневековой ортодоксии.

Польский еврей Руфейзен после войны перешел в католицизм и стал «братом Даниилом» — монахом кармелитского ордена. В качестве такового он явился в Израиль и, поселившись в монастыре своего ордена на горе Кармел, стал требовать натурализации в качестве израильского гражданина. Этот случай явно выходил за пределы допустимого галахой. В своей аргументации Руфейзен прибегал и к доводам, основанным на авторитетных для клерикалов документах: он приводил, например, изречение Талмуда, по которому еврей остается евреем, если даже он и грешник. Однако ему было отказано в натурализации.

¹² Бен Гурион, Мы нуждаемся в шести миллионах евреев, «Фолк ун Цион» (идиш), 1971, № 7—8, стр. 37.

¹³ См. «Encounter», 1971, № 3, p. 86.

По-иному развернулось дело супругов Шалит, возникшее несколькими годами позже. Сам отец семейства не вызывал сомнений в отношении своего права быть гражданином Израиля: он родился от еврейки, не переходил в иноверие, а по профессии является кадровым офицером израильского военно-морского флота. Но жена его — шотландка, так что двое родившихся в этом браке детей не подлежали регистрации в качестве полноправных граждан. Когда их матери предложили принять иудаизм, она заявила, что придерживается атеистических взглядов и сочла бы недостойным играть роль верующей иудейки. Шалиты ходатайствовали о том, чтобы их детей зарегистрировали по признаку «леом» (национальности, народности), но не по признаку религии. Министерство внутренних дел отказало им в этом. Верховный суд сначала стал на сторону клерикалов, но после полуторалетней борьбы, сопровождавшейся шумной полемикой в печати и на многочисленных митингах и собраниях, в начале 1970 г. решил дело в пользу Шалитов. Клерикалы, конечно, этим не удовлетворились и перенесли борьбу в более широкую плоскость.

Министры внутренних дел и юстиции внесли в кнесет законопроект, по которому из юридического определения понятия «еврей» следует исключить признаки, не предусмотренные галахой. Разгорелась яростная борьба. За стенами парламента происходили многолюдные демонстрации сторонников и противников законопроекта. Парламентские дебаты проходили в обстановке, которую автор статьи в английском журнале «Encounter» описывает таким образом: «Обычно спокойный и тихий кнесет превратился в пандемониум»¹⁴. В конце концов в марте 1970 г. был достигнут компромисс, результатом которого явился принятый кнесетом закон, формально представляющий собой поправку к закону о гражданстве. «Иноверным» супругам иммигрантов-евреев или евреек, так же как их взрослым детям, израильское гражданство предоставляется. Что же касается несовершеннолетних потомков от смешанных браков или детей, которые рождаются уже здесь, то они полноправными евреями считаться не могут, если над ними не будет произведена формальная церемония обращения в религию иудаизма. Обращение производится ортодоксальным раввином, ибо только он имеет в Израиле официальные права и прерогативы. Если же оно осуществляется где-то за рубежом раввином реформированной синагоги, то законной силы не имеет.

Принятие «поправки» не внесло полного успокоения в общественное мнение. Споры между сторонниками клерикального и секулярного решения проблемы не утихают. То, что большинство населения Израиля не стоит в этом вопросе на стороне клерикалов, выяснилось из опроса, произведенного журналом «Yewish Chronicle» в ноябре 1968 г. Из всех опрошенных только 19% ответили в согласии с галахой, 59% дали определенно отрицательный ответ, остальные, видимо, предпочли воздержаться от высказываний¹⁵. Показательно, однако, что партии кнесета счли целесообразным пойти навстречу клерикалам в таком существенном для политического статуса вопросе. По всем данным, сама «социалистка» Голда Меир, которую клерикалы часто упрекают в том, что в ее домашнем хозяйстве кухня некошерная, всячески избегает каких-либо столкновений с ними. Супруге Шалит она тоже настойчиво советовала пойти на компромисс и для вида принять иудаизм, что избавило бы правительство от многих тревожений. Принципиальность «социалистки» от сионизма выглядит достаточно беспринципной.

Вопрос об оценке «поправки» от марта 1970 г. стал предметом споров в дискуссии под характерным названием «Государство в тени религии».

¹⁴ «Encounter», 1971, № 3, p. 90.

¹⁵ Там же.

или каждый верует, как он хочет», проведенной редакцией журнала «Ал-Гашимар»¹⁶.

Для клерикальных участников дискуссии вопрос «кто является евреем?» не представлял особой сложности: ни атеист, ни иноверец не могут попасть в эту категорию. Адепты же «секулярного» воззрения во главе с депутатом кнесета Х. Гросман, пытаясь осветить его с других позиций, оказались перед лицом серьезных затруднений. Самой Х. Гросман пришлось пустить в ход совершенно казуистические приемы, чтобы уйти от существа дела, ибо разъяснить это существо она со своих позиций не могла.

Она подошла к вопросу, если можно так выразиться в данном случае, исторически: «Для моего деда религия и национальность идентифицировались, для моего отца — уже нет, для меня — тем более»¹⁷. Отсюда вытекает, что «национальность» должна быть определена безотносительно к религии. Казалось бы, дальше должно следовать именно это безотносительное определение. Но оратор вместо того, чтобы дать его, начинает ходить вокруг да около, чем в конце концов и ограничивается. Вопрос этот, говорит она, философский. При попытках его решения мы приходим «к положению, — я не скажу абсурдному, ибо в нем есть своя диалектика». Деление евреев на секулярных и религиозных не годится. Аргументируется это запрещением тем, что сама Х. Гросман знала в свое время «ассимилированных религиозных евреев в Галиции и в Венгрии», а также тем, что «национализм и набожность были в нашей истории разделены совсем не так давно»¹⁸. Обоснование, прямо сказать, не из сильных, ибо вывод просто не следует из посылок. А противоречие, в которое впадает Х. Гросман при попытке выяснения вопроса об отношении иудаизма к еврейству, никак нельзя списать, как она это делает, за счет диалектики. С одной стороны, утверждается, что религиозный и национальный признаки не следует идентифицировать, с другой — оказывается, что их нельзя и разделять. Перед нами не диалектика, а новый вариант алогической конструкции, наподобие христианского учения о пресвятой Троице, — как известно, ее ипостаси неслиянны и в то же время нераздельны...

Х. Гросман не может мало-мальски логично ответить на поставленный вопрос из-за порочности самой ее исходной позиции, требующей определения понятия, которое не имеет объективного содержания. Невозможно определить, что такое еврей вообще, ибо абстрактного еврея в реальной действительности не существует. Существует пестрый конгломерат различных этнических групп и народностей, объединяемый частично общностью религии, частично некой исторической инерцией этнического самосознания; этот конгломерат именуется еврейством. Другое дело та этническая общность, которая складывается теперь в Израиле.

Его население проживает на общей территории, постепенно овладевает языком иврит, который может стать родным языком этой общности, существует или создается некоторая общность экономической жизни. Но возникающая израильская нация не есть «еврейская» нация, и она не может претендовать на то, чтобы объединять в своих рядах всех людей в разных концах земного шара, которые продолжают называться евреями.

По какому признаку можно было бы конструировать понятие такой «всеобщей» еврейской нации? Апелляция к расовому единству евреев, к неистребимости «голоса крови», якобы общей для евреев всего мира,

¹⁶ Стенограмма дискуссии опубликована в журнале «Фолк ун Цион», (идиш), откуда взят приводимый ниже материал.

¹⁷ «Фолк ун Цион», 1972, № 10—11, S. 33.

¹⁸ Там же.

выглядит в наше время не только научным анахронизмом, но и дурно пахнущим в политико-идеологическом отношении приемом. Ведь именно гитлеровцы, как и все прочие теоретики и практики расового изуверства и антисемитизма, всегда настаивали на биолого-антропологических особенностях, извечно и неискоренимо присущих «мировому еврейству», в силу каковой неискоренимости не остается ничего другого, как это мировое еврейство истреблять... Существенно, однако, при всем этом, что антропологических особенностей, общих для всех евреев разных стран земного шара, просто не существует. В. И. Ленин говорит по этому поводу: «Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства подвергаются современному научному исследованию, которое выдвигает на первый план особенности истории еврейства»¹⁹. То же относится и к особенностям бытового уклада. Ленин ссылается здесь на «такого знатока этой (еврейской — *И. К.*) истории, как Ренан», который говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий, влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием»²⁰.

Непременным признаком принадлежности к одной нации или к одной народности является наличие у всех людей, составляющих эту нацию или эту народность, общей территории и общего языка. У еврейства нет ни того, ни другого. Достаточно сказать, что иммигранты, прибывающие в Израиль, разговаривают, как это установлено, на 70 разных языках. А об общности территории евреев «диаспоры» не приходится и говорить!

Подводя итог рассмотрению этого вопроса, В. И. Ленин говорит, что сионистская идея особой еврейской нации «совершенно ложная и реакционная по своей сущности»²¹. В наше время газета английских коммунистов «Морнинг стар» пишет об этом: «Точка зрения сионистских лидеров, что-де все евреи либо люди еврейского происхождения, проживающие в Англии, Франции, Соединенных Штатах, Советском Союзе или где-либо еще вне Израиля, не являются составным элементом английского, французского или американского народов, а образуют некий отдельный «народ», — эта точка зрения глубоко реакционна и приносит пользу только антисемитам и прочим врагам евреев, всегда утверждавшим то же самое»²². Действительно, такая точка зрения приемлется всеми антисемитами, которые рассуждают в этой связи таким образом: в какой бы стране ни жил еврей, он остается чуждым этой стране и ее народу, ибо принадлежит к некой более общей национальной общности — к всемирной еврейской нации. Еврей, рассуждает на этом основании антисемит любой национальной принадлежности, не может быть ни членом, ни другом нашего народа, ибо он принадлежит к **своему** народу, он предан только ему, он добивается блага только для него. Известно, как использовали такие рассуждения нацисты в своей изуверской теории и практике. Еврейский вопрос, утверждали они, должен быть решен либо биологически, либо, в крайнем случае, политически: по первому варианту все евреи должны быть просто истреблены, по второму — если почему-либо нельзя полностью осуществить первый — всех их надо сселить в одно место, где они должны замкнуться в собственной национальной среде.

По существу антисемитские и сионистские построения теоретически исходят из одной и той же несостоятельной концепции еврейства как такового, абстрактного еврейства. Да и в практической плоскости антисемитизм и сионизм во многих случаях независимо от воли их деятелей работают друг на друга. Чем активнее в той или иной стране действуют антисемиты, тем более восприимчивой делается почва для сионистской.

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 74.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 72.

²² «Morning Star», 1967, 20.VIII.

пропаганды; с другой стороны, чем интенсивнее эта пропаганда, чем больше твердят сионисты об особых интересах особого еврейского народа, тем больше материала предоставляют они для антисемитских чело-
веконенавистнических призывов и лозунгов.

Есть существенный признак, по которому можно конструировать общее межконтинентальное понятие еврейства: религия иудаизма. Об этом писала «Юманите»: «Еврейство сегодня — это религия, сколько бы некоторые ни думали, что существует еврейская раса (что абсурдно с научной точки зрения). А религия — еще не нация. Существуют французские, польские и итальянские католики или протестанты, и существуют также и алжирские евреи, равно как и алжирские мусульмане. Ни католицизм, ни ислам еще не определяют национальную принадлежность»²³.

Довольно точно определяет суть дела и один из сионистских теоретиков, декан юридического факультета университета в Бар-Илане, Амон Рубинштейн: «Вся концепция еврейского единства в ее традиционном смысле основана на договоре между богом и еврейским народом. Этот вечный договор объясняет непрерывное единство, связывающее современный еврейский народ с израильтянами Ветхого завета, — непрерывность, на которой базируется вся идея возвращения в Сион»²⁴. Без мифа о договоре, который заключил в свое время бог Яхве с праотцем Моисеем, оказываются беспочвенными все разговоры о необходимости колонизации Палестины.

Из концепции, по которой еврейство следует считать не этнической, а религиозной общностью, можно делать различные практические выводы. Заседавший в 1885 г. Питтсбургский (США) съезд раввинов реформированной синагоги записал в принятой им декларации: «Мы теперь рассматриваем себя не как нацию, а как религиозную общину»²⁵. Из этого делался вывод о том, что не следует евреям стремиться в Палестину, так что по существу это решение было направлено против сионизма, — верующим иудеям можно-де оставаться в любой стране, где живешь. А сам тезис о еврействе как религиозной общине имеет под собой вполне достаточные основания.

Здесь возникает, однако, трудность, вытекающая из того, что евреям считают себя и многие атеисты; вступает в силу тот признак принадлежности к нации, который именуется этническим самосознанием. Нельзя ни в коей мере отрицать важное значение этого признака, но необходимо в то же время видеть его субъективный характер. А в данном случае он, даже независимо от воли и понимания самого «субъекта», который может быть и атеистом, в некоторой мере связан с религией.

Этническое самосознание человека, считающего себя евреем, опирается в основном на представление о преемственности традиций духовной культуры и истории еврейства с его историческими корнями, отразившимися в библейской и раввинистической литературе. Ветхозаветные и талмудические легенды и мифы оказываются, таким образом, непосредственным и главным истоком «общееврейского духа». Играет при этом известную роль и наличие в ряде стран антисемитизма, объединяющего группы лиц еврейского происхождения негативным принципом сопротивления. Получается своего рода «общность судьбы», которую Отто Бауэр неправомерно ставил во главу угла определения нации, но значения которой нельзя все же не учитывать. В данном случае та общность судьбы, которая вытекает из страданий и неприятностей, причиняемых евреям антисемитизмом, побуждает их искать то общее, что может объединить их в борьбе против антисемитизма. И здесь совершается корен-

²³ «Humanité», 1967, 20.VI.

²⁴ «Encounter», 1971, № 3, p. 85.

²⁵ См. J. L. Blau, *Modern Varieties in Judaism*, New York — London, 1966, p. 148.

ная ошибка: вместо того чтобы искать соответствующее оружие в развертывании прогрессивных и демократических движений, в классовой борьбе против строя, порождающего национальный и социальный гнет, некоторые группировки евреев обращаются к историческим традициям и воспоминаниям, культивирующим и в них самих националистические чувства и взгляды. Но эти традиции и воспоминания все же в конечном счете оказываются связаны с религиозными представлениями иудаизма и с теми источниками, в которых эти представления выражены, — прежде всего с ветхозаветными мифами и легендами.

Если не считать влияния антисемитизма, который в наше время под воздействием социального и политического прогресса все больше идет на убыль, то главным духовным мотивом, побуждающим некоторых евреев откликаться на сионистские призывы к переселению в Израиль, является либо непосредственно религия иудаизма, либо связанные с ней эмоциональные «исторические» переживания, опять-таки связанные с иудаизмом. И именно этим объясняется то важнейшее значение, которое придают израильско-сионистские политики религиозному фактору.

Уже в пору своего возникновения политический сионизм находился в двусмысленной позиции: между стремлением к созданию обычного светского буржуазного государства и необходимостью использования в этих целях традиционной догматики и идеологии иудаизма. Это и в дальнейшем обязывало идеологов и политиков сионизма постоянно маневрировать между двумя позициями, сидеть, так сказать, между двух стульев. На отдельных этапах их положение в этом отношении особо усложнялось и им приходилось идти на все большие уступки раввинам. Это бывало обычно тогда, когда под влиянием тех или иных причин внешнего или внутреннего порядка усиливалась религиозность в массах. Так, например, успех в войне 1967 г. усилил религиозность в израильском населении; в раввинской пропаганде этот успех объяснялся не чем иным, как вмешательством Всевышнего и совершенным им чудом. Такой мотив был довольно выгоден и в общеполитическом плане, ибо давал материал для распространения идеологии милитаризма и агрессии, для усиления шапкозакидательских настроений. Но в общем все же противоречия между светским и религиозно-иудейским началом в жизни государства Израиль не снимаются, а наоборот, с каждым годом все усиливаются. Все чаще в печати муссируется тема о прогрессирующей «поляризации» израильского общества на религиозных и нерелигиозных его членов и о необходимости для правящих кругов государства в условиях обострения этого процесса идти «навстречу секуляризации общества».

Политика израильского правительства, идущего в общем на поводу у ортодоксов-клерикалов, вызывает довольно резкую критику со стороны сионистских деятелей, считающих необходимым более решительный поворот к светскому порядку современного буржуазного государства. Образцы такой критики мы находим и в дискуссии журнала «Ал-Гамишмар», на которую выше ссылались. Критике правительства «слева», представленной главным образом Х. Гроссман, противостояла критика по его же адресу справа, которую занимался депутат кнессета от партии «Агудат Исраэль» Шломо Лоренц.

Х. Гроссман жаловалась на то, что «идея идентичности религии и нации глубоко проникла в рабочее движение». По ее мнению, борьба светского и религиозного лагерей в Израиле протекает со все большим успехом для клерикалов: первый «лагерь все отступает, а религиозный фанатически наступает и не довольствуется половинчатыми решениями». Гроссман характеризует свои собственные взгляды как выражение «еврейско-национального светского мировоззрения» и утверждает, что это мировоззрение в результате наступления клерикалов «делается все сла-

бее даже в рабочем движении»²⁶. Религию иудаизма, считает Х. Гросман, правительство поддерживает значительно сильнее, чем следовало бы. Ультраклерикальный депутат Ш. Лоренц отвечает на это: «...наша религия не нуждается ни в какой искусственной поддержке извне, она достаточно крепка»²⁷. Из приведенных выше данных достаточно очевидно, что не так уже крепка религия в Израиле, как это изображает Ш. Лоренц, и что ее поддержка сионистским режимом — отнюдь не случайное явление в жизни современного Израиля.

Многие ораторы, выступавшие в дискуссии, с большим неудовольствием констатировали факт все большей «поляризации» между религиозными и нерелигиозными элементами израильского населения и общественности. Ц. Адмонис жаловался на то, что «нет контактов между теми, кто религиозен, и теми, кто нерелигиозен» и что «большая часть молодежи не пробовала вкуса иудаизма». Он считает, что с течением времени все ослабевает интерес к «вопросам веры, связанным с еврейской культурой», и что по этой причине «все труднее решаются проблемы нашего национального бытия»²⁸. Вопрос о национальном бытии ставится таким способом в тесную связь и зависимость от религии, причем общим понятием «идишкайт» («еврейство») покрываются и признак национальности, и признак религии. Это собственно и есть выражение одной из основных тенденций политики сионистских лидеров — использование иудейской религии в интересах националистической идеологии и программы сионизма.

Впрочем, и сама «левая» Х. Гросман, требующая «отделить Тору от политики», тоже недалеко ушла от этой тенденции. Она говорит: «Ценою идишкайт, включая религиозный его компонент, очень важный, может быть, даже самый важный, но не единственный». Идишкайт, стало быть, покрывает и религию, причем последняя признается, «может быть, самым важным его компонентом»²⁹. Откровенно ставится вопрос о необходимости подчинить религиозный элемент политическому, поставить иудаизм на службу сионизму. Здесь перед нами не свободомыслие, а простой и циничный политический расчет, из которого вытекает необходимость сохранения иудейского клерикализма в социально-политической и духовной жизни страны, но при условии некоторого ограничения сферы его влияния и известного осовременения, приведения его в более «цивилизованное» состояние.

Нельзя, утверждает Х. Гросман, выполнять все требования галахи; в противном случае и сама Гросман, и даже Голда Меир должны будут немедленно отказаться от политической деятельности: ведь, по галахе, женщина не может даже выступать свидетелем в суде! Дело, однако, не только в женщинах и их роли в общественной жизни. Признать обязательность всех галахических требований — значит по существу отказаться от многих норм социальной и экономической жизни, действие которых имеет жизненное значение для существования буржуазного государства. Можно даже отвлечься от вопросов соблюдения субботы в производстве и на транспорте, от проблемы «кашрут» (ритуальной «чистоты» пищи), хотя и их последовательно-клерикальное решение создавало бы для сионистского государства постоянные трудности, особенно с привлечением новых иммигрантов из стран Запада. Американские, например, евреи, которые и так чрезвычайно неохотно откликаются на призывы к «возвращению» в Сион, как правило, принадлежат к реформированной синагоге и вовсе не склонны переходить в ортодоксальную, а тем более подчинять свою повседневную жизнь требованиям и предписаниям галахи.

²⁶ «Фолк ун Цион», 1972, № 11—12, стр. 34.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 29.

²⁹ Там же, стр. 39.

Существенно то, что и среди населения, уже живущего в Израиле, неуклонно падает религиозность, так что, чем дальше, тем беспредметнее становится та заискивающая политика, которую ведет режим в отношении клерикалов и раввината.

Робкие попытки режима в какой-либо мере секуляризовать жизнь государства наталкиваются, однако, на ожесточенное сопротивление клерикальных кругов. Даже умеренные элементы среди них, полностью сотрудничающие с сионистами, тоже находятся в затруднении. Немецкий автор работы о современном иудаизме Х. Л. Эрлих пишет по этому поводу: «Государство Израиль поставило ортодоксию перед новой проблемой: как можно современное государство привести в соответствие с законами еврейской традиции?»³⁰. Что же касается тех группировок клерикалов, которые в принципе находятся в оппозиции к сионизму, то эта оппозиция со временем не смягчается, а, наоборот, даже обостряется.

Существует клерикальная оппозиция сионизму, основанная на мессианистском догмате, по которому подлинное Израильское царство может быть основано только с пришествием мессии. На такой позиции стоит организация, именуемая «Нетурей Карто» («Страж Града»), и даже представленная в парламенте партия «Агудат Исраэл» («Союз Израиля»). В феврале 1972 г. упоминавшийся выше Шломо Лоренц обратился с трибуны кнесета к верующим из диаспоры с призывом воздерживаться от приезда в Израиль «до прихода мессии». После бурной перепалки по этому вопросу от «Агудат Исраэл» был даже предложен вотум недоверия правительству, отклоненный 57 голосами против 5.

С другой стороны, довольно сильные группы в Израиле и за его рубежами выступают с позиций своего рода клерикального пацифизма, усматривающего в теории и практике сионизма нарушение библейских установлений о запрещении убийства и о любви к ближнему и с достаточным основанием проводящего аналогии между расистской агрессивной политикой Израиля и деяниями нацистов. Эту точку зрения пропагандирует, например, отец знаменитого скрипача Моше Менухин³¹, основавший в США специальную антисионистскую организацию под названием «Иудаистская альтернатива сионизму».

Правительство Израиля стремится тем не менее поддерживать контакт с различными группами клерикалов — его обязывают к этому изложенные выше обстоятельства. Чем дальше, однако, тем эти его стремления встречают все более серьезную критику со стороны тех сторонников сионизма, которые стремятся к секуляризации режима. Цитированный выше Клемент Лесли пишет: «Может быть, самая большая ошибка правительства состоит в том, что оно закрывает глаза на новое положение в Израиле... Развитие нового типа израильского еврея, определяемого больше общенациональными и культурными связями, чем религиозной принадлежностью, не может быть оспариваемо. Никакие законодательные меры не могут остановить этот процесс». К. Лесли специально критикует в этой связи Голду Меир и ее политику: «Игнорируя эти факты израильской жизни, госпожа Меир ставит себя в абсурдную ситуацию»³². Но критика эта не учитывает того, что «абсурдная ситуация» возникает здесь не в силу каких-либо эпизодических ошибок в политике, а в результате порочности самих исходных позиций сионизма.

Секуляризация современного государства Израиль могла бы быть осуществлена лишь в том случае, если его главари сочли бы завершенной свою задачу тем, что создано государство, в котором складывается но-

³⁰ H. L. Ehrlich, *Religiöse Strömungen in Judentum heute*, in: «Bilanz der Theologie im 20. Jahrhundert», Bd. I, Freiburg, 1970, S. 446.

³¹ См. его книгу: M. Menuhin, *The decadence of Judaism in our time*, Beirut, 1969.

³² C. Leslie, *Указ. паб.*, стр. 146.

вая буржуазная израильская нация. Но поскольку они не могут расстаться с основной сионистской идеей сосредоточения в этом государстве «всех евреев мира», они не могут отказаться и от религиозно-иудаистского критерия еврейства. Перед ними стоит поэтому, как охарактеризовал обстановку Норман Бентвич, «трагическая дилемма»³³, из которой выхода не видно, ибо оба варианта ее решения ведут к трудностям, которые сионистское государство преодолеть не в состоянии.

Подлинная секуляризация Израиля будет осуществлена лишь тогда, когда в ходе революционной классовой борьбы народных масс произойдет коренной поворот всего израильского общества и государства в направлении прогрессивного и демократического развития.

CLERICALISM AND SECULAR TENDENCIES IN THE POLICY OF THE STATE OF ISRAEL

The situation that has taken shape in Israel is examined in the article: on the one hand, this state is bound to adhere in its ideology and policies to traditional Old Testament concepts regarding the historical destinies of the Jews and hence to lean upon the religion of Judaism; on the other hand, it cannot build the economic and political life of the country and form the people's everyday life in conformity with the mediaeval regulations of the Halakah and the commands of the Bible. All this leads to a grave crisis in the ideology of Zionism dominant in Israel.

³³ Н. Bentwitsch, Указ. раб., стр. 83.